

Примечания

- ¹ Современные ученые признают факт развития в праславянских рефлексах и.-е. * *bher-* нового значения 'братъ, хватать', которое стало более актуальным для семантики ЭГ * *ber-* и обусловило синонимию с ЭГ * *em-*. См.: *Stawski F. Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego // Słownik prasłowiański. I, 487; Фасмер I, 159; Варбот Ж.Ж. О возможностях реконструкции этимологического гнезда на семантических основаниях // Этимология. 1984. М., 1986, 33–40.*
- ² Описание этимологических гнезд применительно к праславянскому состоянию осуществлено на основе новейших праславянских этимологических словарей ЭССЯ, вып. 1–21 и *Słownik prasłowiański t. I–IV.*
- ³ См.: *Горбачевский А.А. К вопросу о путях возникновения супплетивных форм в славянских языках. Душанбе, 1967; Мельчук И.А. О супплетивизме // Проблемы структурной лингвистики. 1971. М., 1972, 396–438; Евгеньева А.П. Синонимические и парадигматические отношения в русской лексике // Синонимы русского языка и их особенности. JL., 1972, 5–22.*

В.Н. Топоров*

К ЭТИМОЛОГИИ ДР.-ИНД. *kram-* 'ШАГАТЬ, СТУПАТЬ'

Уже не раз отмечалось, что наибольшие успехи в этимологии за последние полвека связаны с тем, что можно назвать с е м а н т и ч е с к о й реконструкцией, конкретнее – с определением того исходного или, точнее, предельно достижимого при имеющемся уровне знаний с м ы с л а, который м о т и в и р у е т внутреннюю форму исследуемого слова. В других языках (а нередко и в том же самом) слова с тем же значением, но иной формой могут мотивироваться иначе, и совокупность таких мотивировок разноязычных слов с общим смыслом, по возможности полная, образует корпус ценнейших сведений по семантической типологии, которые, уточняя детали разных типов словопроизводства, выделяя индивидуальное и даже уникальное, с одной стороны, и общее "типовое", с другой, оказывают этимологу существенную помощь в его дальнейшей работе.

Ставя перед собой задачу семантической реконструкции слова, исследователь находится в н у т р и я з ы к а и работает исключительно или прежде всего с языком, поскольку задача его чисто языковая. Отсюда – постулат доверия к показаниям языка и установка на обнаружение неких иных, пока скрытых от него показаний, которые могли бы оказаться полезными для решения его задачи. Но сам язык обычно "разыгрывает" некую вне его лежащую ("внеязыковую") данность, ситуацию или, точнее, за словом стоит, слову соответствует некая "реальная" (или представляемая как таковая) ситуация, возникшая вне языка и существующая исходно вне языка и только получающая в слове "второе" рождение, более сильное и операционное

* © В.Н. Топоров

осознание себя и н ы м, носителем языка. Тем не менее и сама эта "внеязыковая" ситуация в определенном смысле самодостаточна – у нее свой набор элементов, их связей и свойств, действий-операций, своя логика или, если быть более точным, набор логик, которые эксплицируются, по крайней мере отчасти, при освоении этой ситуации языком, что непосредственно отражается в разных способах мотивировки и в разном выборе того, что может быть принято за единственный и достаточный признак всей ситуации. Иначе говоря, при освоении языком внеязыкового "реального" речь может идти о д в у х выборах, с которыми исследователь должен считаться: п е р в ы й – ситуация А, состоящая из n элементов, кодируется по одному из n элементов, признаваемому в данном случае определяющим, "характерным" (так, целое А обозначается или через a , или через b , или через $c...$, или через n); в т о р о й – та же ситуация А кодируется не по одному из возможных элементов (как в первом случае), а по одной из характерных черт о д н о г о и т о г о ж е элемента (по $K, L, M...$, которые могут выступать как признаки элемента d ; так, характерными признаками движения d , участвующими в ономатетическом акте, могут быть перемещение K , толкание L , подъем $M...$ и т.п.).

И в том и в другом случае существен л о к у с, в котором происходит имянаречение этой ситуации А, и тот способ, которым это делается. Если только этот акт не сводится к простому перенесению на обозначение нового старых элементов и к некоторому более или менее механическому приспособлению второго к первому, имянаречение ("ономатесия") всегда порождение о б р а з а, явление образности как единственно возможного перехода от "реального" внеязыкового к языковому, и, следовательно, первый результат проявления п о э т и ч е с к о й функции языка. Каждый такой прорыв в "исходный" смысл возникающего имени-образа, в самое его мотивацию одновременно обозначает и соответствующее расширение сферы поэтического языкового творчества и повод для микротекстовых (по меньшей мере) реконструкций. Более того, такие открытия всегда говорят и о самом творческом сознании, как оно отражается в языке, и о том, насколько оно с помощью языка и через язык способно аккомодироваться к внеязыковой "реальности", к субстрату, или – в несколько ином аспекте – как в непространственном и "нереальном" созерцании формируется эквивалент пространственного и "реального" внеязыкового.

Тема этой заметки – этимология др.-инд. *kram-*, как она может быть увидена через семантическую мотивировку этого слова и через мотивировку со стороны внеязыковой ("подъязыковой") "реальности". Этот глагол обозначает особый вид передвижения – 'шагать, ступать', т.е. последовательность, выстраивающуюся из повторения ряда прерывных однообразных "элементарных" движений. Словари указывают еще целый ряд значений – 'ходить', 'идти', 'направляться', 'приближаться' и т.п., которые нужно признать экстенсивными обозначениями

более интенсивных и специфических видов движения, "в общем и целом" удовлетворяющими практические потребности понимания конкретных контекстов с наличием глагола *kram-*. Обращение к таким значениям мало что дает для понимания подлинного, "последнего" смысла этого слова и скорее уводит от него. Но словари отмечают также и некоторые другие "контекстуальные" значения, трактуя их, видимо, именно как таковые, т.е. как приспособление общего значения к конкретным текстовым ситуациям. Вероятно, в ряде случаев дело именно так и обстоит, но может быть (в частности, в свете дальнейших рассуждений), что именно в э т и х случаях сохраняются и/или актуализируются следы исходного значения, в других случаях стирающегося, теряющего свои оттенки, упрощающегося до "общего". Из числа таких более специфических значений, отсылающих к идеям последовательно-целенаправленного движения¹, преодоления некоего препятствия и достижения предела, приложения некоей силы-усилия и т.п., могут быть упомянуты 'пересекать', 'переходить', 'выступать-выдаваться', 'растягивать(ся)', 'распространять(ся)', 'стремиться', 'прилагать усилие' и др.; особо следует отметить *kram-* в значении 'выситься, влезать' в связи с вертикальным движением снизу вверх. Отглагольное существительное *krama-* обозначает прежде всего шаг как своего рода квант движения, его элементарную меру, далее – само движение-продвижение как результат шагания, наконец, способ, метод, в основе которого лежит последовательное движение, самое последовательность, ср. *kramaṇa* Instr., *kramād* Abl. 'мало-помалу, постепенно, последовательно', *kramaśas*, то же, 'по порядку', *kramika-* 'следующий один за другим, последовательный', 'унаследованный', *krama-yoga-* 'последовательность' (букв. – 'йога последовательности'), *kramāgata-* (*krama-ā-gata-*) 'унаследованный', *krama-prāpta-* (*krama-pra-āpta-*) и т.п.²

От префиксальных глаголов с корнем *kram-* (они многочисленны, см. ниже) нередки отыменные существительные – *ati-krama-*, *ati-kramaṇa-*, *anu-krama-*, *anu-kramaṇa-*, *apa-krama-*, *apa-kramaṇa-*, *abhi-krama-*, *abhi-krānti-*, *ā-krama-*, *ā-kramaṇa-*, *ā-krānti-*, *ut-krama-*, *ut-kramaṇa-*, *ut-krānti-*, *upa-krama-*, *upa-krānta-*, *ni-kramaṇa-*, *nir-upa-krama-*, *niṣ-krama-*, *niṣ-kramaṇa-*, *pari-krama-*, *pra-krama-*, *pra-kramaṇa-*, *prati-krama-*, *vi-krama-*, *vi-kramaṇa-*, *vi-krāma-* и др. Чаще всего значения этих существительных вполне надежно выводимы из значения соответствующих префиксальных глаголов и самих префиксов, вносящих более или менее ожидаемые уточнения в смысловую нюансировку глагола *kram-*. Однако больший интерес в данном случае представляют те именные образования с префиксами, которые в той или иной мере оказываются неожиданными.

Среди значений этих отглагольных существительных в связи с темой, здесь рассматриваемой, особенно важно отметить те, что связаны с идеей начала, начинания, некоего предприятия (ср. *abhikrama-*, *upakrama-*, *upakrānta-* /:*nir-upa-krama-*/, *prakrama-*), особой активности-инициативности, направленной вовне и трактуемой как своего рода

наступательность (ср. *vikrama-*: *vi-kram-* при более конкретном *nikramaṇa-* 'наступление (ногой)' и результат наступания – 'след ноги'), прилагаемого усилия, силы (ср. *vikramá-* 'шаг, поступь, ходьба', но и 'сила, быстрота, смелость, храбрость, мужество, героизм', *vikramaṇa-*, *vikramin-*, *vikrānti-*, ср. *vikrānta-* 'смелый, мужественный, отважный, геройский, сильный, победоносный' и т.п.³), подъема, восхождения (ср. *utkrama-*, *ākrānti* и др.). Разумеется, круг этих значений в существенной степени определяется семантикой префиксов, которая нередко возвращает к тому, что некогда в полной мере было свойственно и беспрефиксному *kram-*, но затем сильно поблекло, стерлось, иногда и вовсе исчезло. И если конкретные префиксальные глаголы с корнем *kram-* по отношению к беспрефиксному глаголу в известном отношении могут быть названы вторичными и рассматриваться как инновация, то сам круг указанных значений, связанных с префиксальными глаголами и существительными с этим корнем восстанавливает, видимо, весьма архаичую ситуацию. Более того, в некоторых случаях это восстановление исходной ситуации в префиксальных образованиях может рассматриваться как своего рода компенсация потери, понесенной беспрефиксным глаголом *kram-* и соответствующими отглагольными существительными.

Уже на этом этапе исследования можно с достаточной определенностью сказать, что глагол *kram-* передавал идею движения не нейтрального типа, и именно эта "ненейтральность" была отмеченной. В чем состояла она, сказать с достоверностью труднее, но проявлялась она двояко – в самом характере движения, его специфике и в результате этого движения, достигнутом эффекте. В самом общем виде можно предполагать, что речь идет о некоей силе, примененной в ходе этого *kram-*движения. Эта сила в свою очередь могла отражаться на характере движения по-разному, и даже противоположно: в благоприятном случае *kram-*движение становилось энергичным, быстрым, широко-легким; в неблагоприятном, напротив, – затрудненным, шероховато-неравномерным, замедленным, препятствуемым. Но когда конечный результат был важнее, чем детали движения, с помощью которого он был достигнут, акцент ставился на самом результате, и он не мог не быть "сильным" и не мог не относиться к чему-то, что имело первостепенную важность, более того, что имело значение эталона деяния.

Ведийские данные в этом отношении особенно показательны, и в связи с фактами других индоевропейских языков, особенно балтийских и славянских, они помогают реконструировать скрытую часть истории семантического развития глагола *kram-* и его соответствий в других языках. Но прежде чем перейти к фактам ведийского языка и ведийских текстов, которые соотнесены друг с другом существенно более органически, чем, например, данные эпического санскрита с соответствующими текстами, если только последние не являются более или менее непосредственными реминисценциями ведийских

текстов, уместно напомнить, что говорится о происхождении др.-инд. *kram-* в последнем этимологическом словаре "древне-индо-арийского языка". Майрхофер, указывая, что *kram-* относится к общему индо-иранскому наследию и что в иранских языках этому слову соответствуют согд.-будд. *γ'gm-* 'приходить' и н.-перс. *xirāmīdan* 'шагать, ступать' (со ссылкой – Tedesco ZII 2, 1923, 40; Bailey Dict. 1979, 308b), ограничивается пессимистическим выводом – "Weiteres ist unklar" (Mayrhofer, Altindoar. I, Lief. 6, 1989, 410).

В этом месте целесообразно обратиться к ведийским данным, как они представлены в наиболее репрезентативном памятнике ведийского словесного творчества – "Ригведе". Уже при предварительном знакомстве бросается в глаза, что чаще всего (с большим отрывом) субъектом действия, обозначаемого глаголом *kram-*, выступает Вишну, и, более того, именно эти "вишнуйские" контексты оказываются ключевыми для понимания специфики семантики *kram-*, точно так же, как *kram-* контексты в наибольшей степени проявляют суть главного деяния Вишну. В этом смысле вполне оправдано квалифицировать *kram-* как "verbe viṣṇuïque", аналогично сходной квалификации, данной Бенвенистом глаголу вед. *yat-* как "verbe mitraïque". Вероятно, такое закрепление глаголов за каждым из этих богов далеко от случайности (тем более что подобные "личные" глаголы выступают именно у этих двух мифологических персонажей). Можно полагать, что в обоих случаях речь идет о "креативных" по преимуществу богах, которые решают общую по своей сути задачу, но применительно к разным объектам: Вишну, создавая мир-пространство и члены его на части, соединяет их в единое и гармоническое целое; Митра при создании социума как упорядоченного и договором контролируемого человеческого "мира", коллектива исходит из начальной раздельности и разрозненности людей, которая возникает из-за отсутствия предсказуемых и контролируемых связей и тогда, когда люди пространственно удалены друг от друга и это препятствует созданию общины-мира, и тогда, когда они стеснены на слишком узком пространстве и возникает ситуация "кучи", где все смешано в хаотическом беспорядке, не позволяющем устанавливать "правильные", космологическому порядку отвечающие связи. Задача, которая стоит перед Митрой, – в соединении разрозненного в органическое единое целое. Итак, в обоих случаях, при создании-устройстве мира и социума, с очевидностью выделяются два этапа, как бы противоположных по решаемым ими задачам, – разделение-размежевание и соединение-сложение. Судя по некоторым данным ведийской мифо-космологии, о которых здесь говорить не будет, и по многочисленным данным типологического характера, между этими двумя этапами мог быть еще один этап – переходный, связанный с идентификацией частей, которые подлежали синтезу в космологическом целом мира. Если это так, то и в основе творения лежал тот же принцип, что и в методике *krama-*, о которой см. выше. Что же ка-

сается самой идентификации, то она и есть процесс, в котором разделение предполагает различие, как бы определение лица иного, чем другие, а различие завершается распознаванием и м-узнаванием-знанием (ср. лат. *discerno*, сочетающее в себе все эти значения). Из всего сказанного с известным основанием можно заключить, что и сам Вишну, и "вишнуический" глагол *kram-* имеют отношение и к разделению, и к соединению в том оригинальном, но хорошо знакомом ведийскому умозрению варианте, при котором субъект этих двух действий-задач одновременно выступает и как посредник (*madhyastha-*, букв. – 'посредине стоящий') – и между действиями и между их результатами (см. далее).

Глагол *kram-* отмечен в "Ригведе" более шестидесяти раз. Однажды встречается *krámaṇa-* 'шаг' (1,155,5) в связи с Вишну и Индрой, и шестикратно *urukramá-* 'широко-шагающий', четырежды в связи с Вишну (1,90,9; 154,5; 3,54,14; 5,87,4), и один раз в связи с Вишну и Индрой (7,99,6) и один раз в связи с Индрой (8,77,10)⁴. Главное деяние Вишну – творение, и оно неотделимо от движения, точнее, от той его разновидности, которая обозначается как раз этим глаголом *kram-*. Основной вишнуистский миф связывает само возникновение Вселенной с неким движением, троекратно воспроизведенным, – с тремя шагами (*krama-*), "широкими шагами" (*uru-krama-*) Вишну, благодаря которым было образовано широкое пространство для "широкой жизни" (*urugāyāya jīvase*)⁵, для "угнетенного (которому трудно) человека" (*mánave bādhitāya*. 6,49,13). Итак, широкий шаг – широкое пространство – широкая жизнь, образующие триаду, где каждое последующее звено зависит от предыдущего, и всё, в конечном счете, от широкого шага-шагания (*uru-kram-*), благодаря которому не только было создано пространство творения, но и оно было разделено на космические зоны (ср. RV 1,22,17; 154,1–4; 6,49,13; 7,100,3; 8,12,27; 29,7; 52,3 и др.)⁶ и между ними была установлена связь.

Мотив широкого шага-шагания и соответственно его субъекта – "широко-шагающего" (ср. RV 1,90,9; 2,1,3; 3,54,14; 5,87,4; 6,69,5; 10,109,7 и др.) слишком известен и достаточно хорошо изучен, чтобы здесь останавливаться на нем еще раз. Но все-таки нужно более решительно отметить, что широкий (*urú-*) шаг (*krama-*) в данном мифе подлинно творческое космогоническое деяние, что "широкое" *kram-* движение – это движение от края и до края всего того широкого пространства, которое предназначено для жизни и человека, что оно предельно в том смысле, что его результаты предполагают установление предела, и за предельно в том смысле, что сам Вишну столь могущ, что ему доступно пересекание предела, выхода за него, который дополнительно, как бы извне, определяет границы человеческого мира, наконец, что такое "широкое шагание" предельно энергично, мощно, сильно, шумно⁷. Последние характеристики, *kram-*движения, связанные с присутствием силы, порыва, преодолевающих силу сопротивления, препятствия, отчасти объясняют

предполагаемую прерывность, ноомогенность, известную "шероховатость" движения этого типа, что, кстати, может сыграть свою роль при установлении круга фактов из других языков, когда речь пойдет о составе этимологического контекста *kram-*.

Но здесь важнее уяснить специфику того трехфазового движения⁸, которое привело к творению мира, смысл его в более глубоком и, если угодно, конкретном плане, как это вытекает из основного мифа, связанного с Вишну как демиургом. В наиболее концентрированном виде этот мотив "трех шагов" представлен в гимне, обращенном к Вишну – 1,154. Уместно пунктирно проследить развертывание этого мотива в связи с контекстом, в котором этот мотив выступает как ключевой: "Я хочу сейчас провозгласить героические деяния Вишну, [...] который измерил земные пространства, который укрепил в е р х н е е жилище, т р и ж д ы ш а г н у в, (он,) далеко идущий (1) /.../ в т р е х ш а г а х которого обитают в с е существа (2). Пусть к Вишну идет (эта) песнь [...] к [...] широко шагающему быку, который э т о обширное, протянувшееся общее жилище и з м е р и л один т р е м я ш а г а м и (3). (Он тот,) т р и следа которого [...], кто т р и е д и н о землю и небо один поддерживал – в с е существа (4) Я хотел бы достигнуть [...] убежища его [...], ведь там родство широко шагающего. В в ы с ш е м следе Вишну – источник меда (5). Мы хотим отправиться в эти ваши обители [...] Ведь именно оттуда мощно сверкает вниз в ы с ш и й след далеко идущего быка (6)" (RV 1,154,1–6).

Этот текст (и другие подобные ему) в форме гимна подчеркивает основную тему мифа о творении, в котором главным участником (если не единственным) был Вишну. Три шага, три следа, три пространства, триединство здесь в центре внимания. Идея триадичности тесно связана с мифологией Вишну-демиурга, что находится, как подчеркивал Кёйпер, в существенном противоречии с дихотомическим принципом ведийской космологии. Тем не менее многие полагали, что три шага Вишну должны интерпретироваться как способ сотворения трех космических зон, тройного членения Вселенной. Однако дуальная концепция мира древнее тернарной, и поэтому есть основание обратиться еще раз к "трехшаговой" схеме", чтобы попытаться увидеть за ней возможные следы дуальности. Таким несомненным следом ее нужно считать неоднородность этих трех шагов с точки зрения их отношения к дуальному противопоставлению по признаку "видимости-невидимости". Ключевым в этом смысле является фрагмент гимна к Вишну – 1,155,5, который возвращает нас к отмеченной выше диадической структуре 2 + 1. Ср.: *d vé id asya k r á m a ñ e s vardṛśo 'bhikhyāya mārtyo bhuraṇyati | t r t ī y a m asya nākir á dadharṣati váyaś caná patáyantaḥ patatrīṇaḥ* (RV 1,155,5) "В и д я только д в а ш а г а того, кто выглядит, как солнце, мечется, смертный. На его т р е т и й (шаг) никто не отважится взглянуть, даже крылатые птицы в полете". Отмеченность (особая) третьего шага, невидимого, придает ему особенную значительность, бóльшую, чем просто завершение двух

предыдущих шагов: он – и н о й, нежели те два, что ему предшествовали. Вместе с тем первый и второй шаги ("видимые") представляют единство, где первый и второй элементы подобны друг другу, и, как можно думать, отличны от третьего. В текстах число "два" нередко связывается с Вишну, не входя в противоречие с "тремя" как числом этого бога. Два мира, два пространства, созданные и установленные Вишну, естественно, предполагают те д в а шага – первый и второй, – которыми они были сотворены: *ubhé te v i d m a rájasī prthivyá viṣṇo deva tvám paramásya vitse* (1,99,1) "Мы знаем [потому что видим. – В.Т.] о б а твоих пространства: Земли (и Неба). Ты, о бог, Вишну знаешь [и видишь нам невидимое. – В.Т.] высшее (пространство)"; – *vy ástambhñā r ó d a s i viṣṇav eté* (1,99,3) "Ты установил порознь [т.е. последовательно. – В.Т.] эти две половины Вселенной, о Вишну".

Учитывая не формулируемый в древнеиндийских текстах числовой принцип, когда нечто, состоящее из x частей, обозначается как $x + 1$, которое следует понимать не как прибавление еще одного такого же элемента к x , а как указание на целое, состоящее из этих x элементов и тем не менее большее, чем x , и в числе шагов Вишну нужно видеть подобную же структуру: первым шагом Вишну сотворил нижний мир – Землю, вторым – верхний мир, Небо; третьим же шагом была установлена та связь результатов первых двух шагов, которая, собственно, и была тем с и н т е з о м, что придал Вселенной ее полноту и целостность. Этот третий шаг невидим людям и неведом им: он – тайна, доступная только Вишну. Третьим шагом, связавшим Небо и Землю и оформившим их как целокупность, были определены и пределы творения – то, что внутри его (его состав), и то, что вне его и доступно лишь Вишну, способному пересекать границы мира, его, так сказать, кромку, о чем не раз свидетельствуют тексты "Ригведы", ср.: "Он прошагал (вышагал) эту землю (*vi cakrame pṛthivim... etām*), (чтобы она стала) владением [...] он создал широкое место для поселения (*urukṣitīm*) [...] Я, менее сильный, воспеваю тебя, такого сильного, правящего далеко за пределами этого пространства (*kṣáyantam a s y á r á j a s a ḥ p a r á k é*)" (7,100,4–5); – "Он вышагнул (за пределы). Он охраняет два конца-предела пространства (*vi cakrame rájasas páty ántau*)" (5,47,3)⁹. Стремление к пределу, к границе, к крайнему и преодоление их с помощью п е р е ш а г и в а н и я , ч е р е з (с к в о з ь) – ш а г а н и я (*ati-kram-*) – характерная особенность Вишну, раскрывающаяся через его движение, с одной стороны, и намекающая, с достаточно вероятием, на сам тип движения, с другой.

Можно думать, что суть этого "креативного" *kram*-движения в единстве двух одновременно совершаемых актов – освоения-присоединения и отчуждения-отъединения. Каждый из первых двух шагов (*krama-*) состоит из этих двух актов, протекающих между пересечением Вишну границы пространства, имеющего быть сотворенным, первый раз при выходе из "своего" (до сотворения мира) пространства, второй – при выходе из уже созданного "первого" пространства – нижнего мира,

Земли и вхождении в имеющее быть сотворенным "второе" пространство – верхнего мира, Неба. Это на глубине единое и непротиворечивое движение, выступающее на поверхности в двух противоположных (по видимости) вариантах, объединенных, однако, общей идеей членения-присоединения, можно представить себе, исходя из ключевого момента "перехода" – пересечения границ, как сочетание "секуще-пресекающего (прирезающего)" и "секуще-отсекающего (отрезающего)" актов, как своего рода "при-к р а и в а н и е" и "от-к р а и в а н и е" пространства, первое – при пересечении "нижней" границы, второе – при пересечении "верхней" границы, выходе из нее¹⁰. Идея к р а й н о с т и, к р а я, к р о е н и я, определяющая *kram*-движение и верифицируемая текстами и – глубже – стоящей за нею мифо-ритуальной реальностью, несомненно, присутствует как в мифологическом мотиве шагания-творения Вишну, так и в самом глаголе *kram*-, что особенно подтверждается семантической реконструкцией. Этот вывод в свете поставленной здесь задачи должен рассматриваться как основной (см. ниже), хотя использование его при дальнейших разысканиях должно быть дополнено некоторыми другими наблюдениями, вытекающими из рассмотрения этих *kram*-текстов. Два из таких наблюдений особенно существенны.

Одно из них касается т р е т ь е г о шага. Он – высший (ср. *vísnoḥ padé p a r a m é.* 1,154,5; *p a r a m á m padám.* 154,6 и др.) – и не только в оценочном плане, но и в пространственном, указывающем на вертикальное движение в в е р х, в о с х о ж д е н и е. И здесь опять перед нами своеобразный парадокс ведийской религиозной мысли, как бы перекликающейся с известным постулатом Гёделя. Третий шаг был сделан, и это подтверждают источники, но новая космическая зона при этом не была создана (в отличие от первых двух шагов, приведших к созданию Земли и Неба порознь, но не к созданию Вселенной в ее целокупности). Но задачей Вишну было не создание очередной зоны, а доведение двух созданных космических зон до цельноединства. Сделать это можно было с помощью третьего шага – вверх, уже за пределы Земли и Неба: полное определение-формирование мира произошло в н е м и р а, и именно вне мира находился в заключительной стадии творения демиург Вишну¹¹. Идея восхождения-подъема Вишну отражена и в целом ряде конкретных примеров¹², и в указании на его верхнее (высшее место)¹³, и в отождествлении Вишну с жертвой, возносящейся вверх к богам (ср. *Jaim.-Bṛ. II, 68,1*).

Эта же идея подъема, вертикального движения вверх, как бы подготовленного (вырастающего из) д и а д и ч е с к о й структурой Земля-Небо, побуждает еще раз обратиться к теме д у а л и з м а, неоднократно и настойчиво возникающей в рамках главного текста "вишнуической" мифологии. Здесь можно лишь вкратце напомнить о двух шагах Вишну, приведших к созданию двух космических зон, двух пространств, двух миров, наконец, даже о двух божественных субъектах вертикально-восходящего *kram*-движения Вишну и Индре и, более того, о двойственности, глубоко укорененной в самой природе

Вишну и позволяющей ему выполнять посредническую роль между богами верхнего и нижнего миров, попеременно пребывая то в одном из них, то в другом. Вишну и был образом единства обеих противоположных частей (половин) мира. Он и есть оба этих мира¹⁴, подобно тому, как порознь их представляли Гаруда и Шеша, так или иначе соотносимые с Вишну.

Это сочетание мотивов "двойности" ("двух"), подъема-поднятия по вертикали (о ней можно судить по мировому столбу *skambha* или по *Catena aurea: Sūtrātman*) с *kram*-движением, кажется, дает основание внести еще одно важное уточнение, особенно если вспомнить, что обозначением "два" кодируются в определенных текстах типа *brahmodya* Небо и Земля (ср. в русских загадках типа *Двое стоят [стоячих], двое ходят [ходячих]*... – Небо и Земля, Солнце и Месяц...), что Небо (*Dyaus*) отождествлялось с Отцом, а Земля (*Pr̥thivī*) с Матерью, и они представляли собой супружескую п а р у (*dyāvā-pr̥thivī*, *dyāvā-bhūmi*-), кодируемую, кстати, как целое, состоящее из двух половин – *ródasi* (Dual.), которые – в реконструкции, которая могла бы получить поддержку со стороны обширного круга параллелей из разных традиций, – возникли в результате акта разделения, отрыва друг от друга; р а з – д в и ж е н и е их, ото-движение в разные, противоположные стороны как раз и обозначало появление пространства творения.

Подобное сочетание мотивов "двух" и подъема-поднятия, которое в определенных условиях становится образом д в и ж е н и я вообще и самим обозначением его, как известно, встречается в истории праслав. **d̥vig(a)ti < *d̥v̥vig(a)ti*, особенно в тех языках, где первоначальное значение 'поднимать' было переосмыслено как обозначение движения вообще¹⁵. Именно из этой ситуации исходил О.Н. Трубачев, убедительно обосновав этимологию слова **d(̣)vig(a)ti*, а также **d(̣)vigo*, **d(̣)vizь*, *-a*, *-e/-ete*, в которой главным было обнаружение семантической мотивации идеей "двух". В качестве типологической параллели такой трансформации значения исследователь ссылался на слов. диал. *posošit'sa* 'подняться', *sošit* 'поднимать': *socha* 'развилка' (со ссылкой на Machek¹ 463). Не ставя под сомнение уместность этой семантической параллели (неполной, однако, из-за отсутствия в приведенных глаголах общего значения движения), стбит все-таки отметить, что наряду с такой "хозяйственно-бытовой" мотивировкой не меньшее значение (и это по крайней мере) имеет, так сказать, "космологическая" мотивировка, с которой, кстати говоря, связано то преимущество, что она относилась к сакрализованной, ритуально и мифологически маркированной сфере, выступавшей как наиболее авторитетная модель для мира "профанических" объектов. О такой возможности объяснения уже отчасти писалось подробно в недавно опубликованной работе¹⁶. Ссылка на это объяснение, существенная в связи с уточнением семантики корня **d(̣)vig-* и самих условий, в которых могла иметь место подобная мотивировка слова, представ-

ляется важной и в связи с др.-инд. *kram-* – тем более что двое (Земля и Небо) возникли в результате "креативных" шагов Вишну по вертикали, снизу-вверх, того *kram-* движения, которое бесспорно было д в о й н ы м (первые два шага), хотя и не было в языке (в отличие от текстов) мотивировано как таковое. Следовательно, к известной "двойной" мотивировке Неба и Земли в армянском (соотв. – *erkin* и *erkir* при *erku* < < **duçō* 'два') можно добавить и ведийские свидетельства (бесспорные и весьма конкретные) "двойности" вертикального, вверх направленного *kram-* движения. В текстах космологического характера и в ритуале именно подобное понимание движения и могло мотивировать его языковое обозначение как "двойного"¹⁷, каковая возможность была и в славянских языках, лишь частично эту возможность использовавших и усвоивших себе идею "двойности" для обозначения движения универсального типа.

Некоторые другие особенности семантики глагола *kram-* в ведийском (преимущественно) заслуживали бы дополнительного рассмотрения¹⁸, но и без них основания для этимологического объяснения этого глагола подготовлены. Учитывая сказанное выше о семантических особенностях др.-инд. *kram-*, особенно ярко выступающих в "сильных" для *kram-* текстовых позициях, соотносимых с соответствующими отмеченными мифологическими мотивами (прежде всего – "Вишну с помощью *kram-* действия творит Вселенную"), наибольшую помощь в разъяснении этимологии др.-инд. *kram-* могут оказать балтийские и славянские данные, которые, впрочем, сами практически не рассматривались до сих пор в тесной связи друг с другом и которые могли бы дать основание для реконструкции балтослав. **kram-*, отраженного как в глагольных, так и именных образованиях обеих этих языковых групп¹⁹. Это упущение объясняется, видимо, по крайней мере отчасти тем, что балтийские и славянские данные акцентируют несколько разные значения у слов этого корня, находящиеся, однако, в отношении взаимной дополнителности.

Славянские факты подчеркивают мотив о т – р е з а н и я, о т – д е л е н и я, ч л е н е н и я, и з ы т и я, о чем свидетельствуют многочисленные примеры. Ср. **kromě* 'кроме, без, исключая' (ст.-слав. *кромѣ*, чеш. *kromě*, ст.-словац. *kromě*, ст.-польск. *kromie*, др.-рус. *кромѣ*, русск. *кроме*, ст.-блр. *кромє* и др.); – **kroma*/**kromъ* (в.-луж. *kroma* 'край', н.-луж. *kšoma* 'край, кромка', 'рама, кайма'; польск. диал. *kroma* 'краюха, ломоть хлеба', *krom* 'ломоть', словин. *kroma*; др.-рус. *крома* 'ломоть хлеба, отрезанный от целого карава' (ср. ц.-сл. *покромь* 'margo ranni'), рус. диал. *крóма* 'край, конец', 'ломоть хлеба, краюха', *кром* 'конец улицы, деревни, села'; 'закром, засек', *крóмы* 'ткацкий стан' и др.); – **kromъka* приблизительно с той же исходной семантикой и т.д. (см. подробнее ЭССЯ 12,1985, 185–186; 13,1987, 5–6). Сюда же, разумеется, относится и глагол праслав. **kromiti*, отраженный в русск. диал. *крóмить* 'разделять, разгораживать' (ср. *кромить сусеки*, т.е. *закрома*,

ср. внутреннюю форму слова *сусек*: *сечь*); 'отламывать', 'обтесывать края досок, устраняя неровности и шероховатости' (*Кромить – доску по краю.., Кромить лес*); 'сортировать', 'просеивать' (т.е. отделять одно от другого), см. СРНГ 15,1979,275, а также в блр. *кроміць* 'спиливать', 'срубать', (ветку у сосны, готовя ее для борти) и в.-луж. *kromić = krjemić*: 'крошить' (ср. ЭССЯ 13,1987,5, ср. 12,1985,117: **kremiti*: в.-луж. *krjenica* 'краюха, ломоть хлеба', *krjenca*) и др.

Что эти слова связаны с идеей отделения в варианте "резания" и близких ему ("рубка", "ломание" и т.п.), не вызывает в целом сомнения, что, впрочем, еще не решает окончательно вопроса о "последнем" из смыслов, мотивирующих внутреннюю форму слова, хотя и существо приближает к нему. Об этом свидетельствуют и сами значения этих слов, прямо или косвенно отсылающие к подобной идее, и наличие генетически связанных с **krom-* слов в славянских языках с тем же семантическим составом (ср. **krojь*: **krojiti*, **krajь*: **krajiti*, **krajati*, см. ЭССЯ 12,86–89,180–182, а также слова, где это же значение или близкое к нему восстанавливается с достаточным вероятием, хотя оно может и не быть "последним" мотивирующим, ср. **(s)kroz(ь)*: и.-е. **(s)ker-*: **(s)kor-*: **(s)kre-*: **(s)kro-* 'резать'; **skromъnъ(jь)*: рус. *скромный*, польск. *skromny* (: *skromić*), чеш., словац. *skromný* и др., которое может трактоваться двояко – или как "держась в рамках", т.е. в некоей ситуации, поведение внутри которой ограничено, "обрезано" рамками, или как "держась в стороне, с краю", т.е. знающий свое место и не заявляющий претензий на большее и т.п.); и и.-е. **(s)ker-* в разных вариантах корня с идеей резания, отрезания (ср. др.-греч. *κεῖρω*, др.-исл. *skera*, лит. *skirti* и т.п., см. Pokorný I, 938–941).

Поскольку здесь в центре внимания др.-инд. *kram-* как обозначение особого рода д в и ж е н и я, было бы существенно, во-первых, обнаружить в славянских и балтийских языках слова, которые, восходя к указанному и.-е. **(s)ker-*: **(s)kor-*, отражали бы идею движения, и, во-вторых, найти типологические параллели к сосуществованию значений "резания" и "движения" и/или к переходу первого из них во второе. Названные языки действительно содержат и то, и другое.

Что касается п е р в о г о, то со славянской стороны прежде всего еще раз нужно привлечь внимание к таким словам, как праслав. **krokъ*, **kroць*, **kročajь* : **kročiti*, соответственно обозначающим шаг и шагание (см. ЭССЯ 12, 178–179, 183; ср. также слова с полной ступенью того же корня – **korkъ*/**korka*, **korakъ*, **korčajь* : **korčiti*, **koračiti*, см. ЭССЯ 11, 50–51, 56, 77–80; о **korčunъ* см. 11, 56–58). Все эти слова восходят к общему корню, обычно возводимому к и.-евр. **(s)ker-* 'сгибать, скручивать' и т.п. Однако лишь в очень редких случаях это значение удовлетворительно могло бы объяснить реальную лексику (которая, кстати, могла бы быть объяснена и иначе), ср. болг. *крачжся* 'корячиться', 'разводить ноги' (Геров) при болг. *краща* 'шагать'²⁰ или

**korčunъ* как обозначение с о л н ц е в о р о т а. Кроме того, следует помнить, что наряду с *(s)ker- ‘сгибать(ся), гнуть(ся), вить(ся), крутить(ся)’ и под. существует *(s)ker- ‘резать, рвать, драть, рубить’ и т.п., ф о р м а л ь н а я связь которых не может быть случайной хотя бы уже только потому, что соотношение этих двух смысловых кругов выражается одним и тем же корнем и в целом ряде других случаев²¹, что окончательно исключает случайность и свидетельствует о языковой основе такого тождества или совпадения. Поэтому, избегая в данном случае ненужной прямолинейности, достаточно констатировать, что есть серьезные основания говорить о связи слов типа **kročъ* : **kročiti* с идеей "резания" как мотивировкой внутренней формы и, следовательно, с глаголом *(s)ker- ‘резать’. О более глубинных мотивировках семантической связи этих двух кругов см. в другом месте.

Что же касается в т о р о г о, то количество типологических параллелей к сочетанию мотивов "резания" и "движения", предполагаемому и в др.-инд. *kram-*, и в праслав. **krom-*, **kročъ*, **kročiti* и др., и в и.-е. *(s)ker- (точнее, к глубинной связи этих мотивов), достаточно велико и разнообразно. Здесь можно ограничиться указанием примеров двух категорий – когда одно и то же слово, исходно связанное с мотивом резания, становится характеристикой движения (ср. **rězъvъ/jь* : **rězati*, о быстром движении, или **skorъ/jь* < **sker-* : **skor-* ‘резать’), и когда глаголы "резания", "отрывания" и т.п. используются для обозначения движения (ср. рус. *драть/удрать, драпать, вырваться/оторваться*, о состязающихся в беге, например, *рѣзать/нарезать* в контекстах в роде *ишь как он на р е з а е т: его, пожалуй, уже не догнать* или *р е ж е т напрямую через поле* и т.п.²², ср. *рубленный шаг*); ср. также др.-инд. *dru-* : *dravati* ‘бегать’ (: **der-* ‘драть’), нем. *scheren* ‘убираться, проваливать’ (*scher dich fort!*) при *scheren* ‘стричь, срезать, отрезать’ и т.п.

Нужно еще добавить, что сама специфика шага, шагания, как это отчасти можно понять и из предыдущих рассуждений, состоит не только в той двойственности, которая в целом присуща движению рассматриваемого типа, но и в том, что оно все время и, строго говоря, одновременно актуализирует игру в н у т р е н н е г о и в н е ш н е г о пространства, которые в принципе могут обозначаться с помощью одного и того же элемента (ср. др.-рус. *кром*, внешнее городовое укрепление в Пскове, *кромъиный* и т.д., но *кромство* ‘внутренность’ или *кремль*, крепость внутри города²³ при *кромка* как граница между внутренним и внешним). Эти изменения соотношения внутреннего и внешнего, обнаруживаемые уже в пределах одного шага, а тем более в пределах двух шагов, образующих полный цикл в его минимальном измерении²⁴, состоят в том, что передняя граница шага все время становится задней, а задняя передней, что движение как раз и формируется этими переносами-передвижениями двух границ шага в процессе их взаимного преобразования друг в друга. *Kram-*

движение (если вспомнить о др.-инд. *kram-*), очевидно, и следует понимать как последовательный перенос вперед к р о м к и ш а г а, границы досягания (ср. вероятную связь русск. *шаг* с праслав. **seǵ-* 'досягать', ср. **seženy*/*saženy* 'сажень'), осуществляемый поочередно то одной ногой-шагом, то другой.

В этой связи еще раз следует обратить внимание на праслав. **kromiti*. Отражения этого слова засвидетельствованы в основном в русском языке, и общее их число очень невелико. К тому же, "кинетические" контексты этого глагола неизвестны, хотя намеки на них есть ('отделять, отламывать, снимать /кору/' и под.), и они позволяют предполагать, что некогда **kromiti* могло означать и движение, того же типа, что и др.-инд. *kram-*, так сказать, **krom-* & **iti*. Такое предположение можно было бы подкрепить нередкими в древнерусских текстах практически формульными сочетаниями *кромѣ & ити*, ср.: ...*повелѣ [Ольга] отрокомѣ своимѣ ити [вм. ити] на ня, а сама от и де кромѣ* (Лавр. лет. 57); – ... *ацели отъ дьявола, то и д и т е кромѣ мене грѣшиного* (Хит. Макария. П. отреч. П, 72, XVII в.); ср. также: *Ростиславъ же от ступи кромѣ града* (Соф. I лет.², 133) и др. (СлРЯ XI–XVII вв. 8, 70). Подобные примеры уцелели и в ранних текстах других славянских языков, в которых *kromě, krom* выступали и как наречие. Это дает, видимо, надежные основания для реконструкции праслав. **krom(ě)* & **iti*, отчасти подкрепляемому и др.-инд. *i-* & *kram-*, ср. *ēti krāmais = krāmate, krāmati* 'шагать, ступать' и др.

Важнейшее соединительное звено между древнеиндийскими и славянскими данными образуют показания балтийских языков и прежде всего литовского, до сих пор остававшиеся в полном пренебрежении. Речь идет о литовских глаголах с корнем *kram-*, передающих идею д в и ж е н и я – ходьбы, бега, езды, но особого типа – замедленного, потихоньку, как бы затрудненного, с усилием. Ср. лит. *kramėnti* (как в независимом употреблении, так и с префиксами *at-*, *iš-*, *nu-*, *pa-*, *par-*): *Važiuk greičiau, ką čia k r a m e n i !*; – *Visą kelią arklys iš k r a m e n o, ažtat ir sušilo*; – *Ilgai sirgo, ale da po biškį p a k r a m e n* (ср. *parkramėnti* 'sunkiai pareiti'); – *Lig vakaro gal ir n u k r a m ė n s i m*; – *K r a m i n ė j o, k r a m i n ė j o, kažin kur b e n u k r a m ė n o* и др. В связи с последним примером ср. междометийное употребление *kram-* для обозначения замедленного, членимого на последовательность отрезков движения: *Tik k r a m̃, k r a m̃ k r a m̃ ir n u k r a m e n o*; – *Vaiką kromo nešioja: k r a m̃, k r a m̃, k r a m̃* и т.п. (см. LKŽ VI, 1962, 408, 410–411), почти как рус. *хром, хром, хром*. Идея движения присутствует и в других глаголах с этим же корнем, ср.: *kraminėti* 'гулять, прохаживаться, бродить, слоняться, шататься', *kraminti* и др. (LKŽ VI, 411–412). Эти глаголы с корнем *kram-* (: слав. *кром-*, др.-инд. *kram-*) дают основания уточнить характер кодируемого ими действия. Здесь можно ограничиться двумя смысловыми кругами. О д н из них связан

с обозначением некоторых "трудных", прерывных, неоднородных акустических – тяжелого кашля, отхаркивания, хрустения, грызения, "шумного" разжевывания и т.п. (и в переносном смысле – 'грызть' = 'ругать, бранить', ср. *kramėnti: Mokau tą savo vaiką, k r a m ė n i u o kaip miets, teip miets.* LKŽ VI, 410–411)²⁵. Ср.: *Senelis k r a m ė n a*; – *K r a m ė n i kaip koks džiovinykas*; – *K r a m ė n a, k r a m ė n a mano diedas, matyt jam sukatos pripuolė* и др. (LKŽ VI, 411). К этому же кругу принадлежат *kramėliuoti* 'тяжело вздыхать, кашлять' (: *kramelys* 'кашель, одышка'), *krameiluoti, kramėsuoti* 'хрюкать, хрипеть, сипеть', *kramėzuoti* 'тяжело кашлять', *kramėti* 'хрипеть' и т.п., а также соответствующие существительные – *krameila, kramežà* и т.п. (LKŽ VI, 410–415). С глаголом *kramėnti* и др. в значении замедленного движения эти *kram-* глаголы объединяются идеей небеспрятственного, затрудненного развертывания действия. Д р у г о й семантический круг объединяет слова, отражающие аналогичные же "трудности", неоднородность, негладкость, шероховатость в фактуре материала, в особенностях его поверхности и, следовательно отсылает прежде всего к "осязательному", но отчасти и к "зрительному" коду. Ср. *krámti* 'покрываться паршой, струпьями, коростой', *apkrámti, iškrámti, nukrámti* (*Kokia ano burna a p k r a m u s i !*; – *N u k r a m ė s žmogus – kuris turi šašų, šašuotas*; – *Po dumblynus graibant, k r á m s t a rankos* и т.п. (LKŽ VI, 415), *kramėti*, но и *kramà*, о человеке, покрытом паршой; *krāmas* 'парша' и т.п., *kramagāvis*²⁶, *kramausys, kramėkšla* и др.

Латышские свидетельства уступают литовским количественно и, кажется, не фиксируют значение движения (что напоминает ситуацию с русск. *крóмíть*). Основной круг примеров, связанных, как правило, с производными глаголами, реализует значение отделения, членения в варианте грызения-отгрызания, откусывания, ср. *kramsīt, kramšāt, krāmsīt, kramšlāt, *kramtāt* (ср. *sa-kramtāt*), *kramtīt, kramšķināt* и, конечно, *krīms, krēms* и его "расширенные" варианты *kremšīt, krēmīt, kremšlāt, kremslēt, kremsluôt* (см. Mühlenb. 2, 257–259, 273, 279; Erg. Hf. 641–642, 648–649). Вместе с тем отмечены и глаголы с "акустическим" значением – *krēmslāt* 'кашлять', *krēmsluôt, kremelēt*, то же, и слова, значение которых предполагает "осязательно-зрительный" код, ср. *kramt* 'покрываться коростой, засыхать': *krama* 'парша, короста, сыпь' и др., *krams*, то же, но и 'череп', *krems*.

Из списка латышских глаголов с корнем *kram-/krem-* видно, что большинство из них более позднего происхождения, хотя вторичные "расширения" и преобразования наслаивались на надежную индоевропейскую основу. Существенно, что и латышский, и литовский²⁷, и славянские²⁸ языки пережили этап формирования таких глаголов в основном порознь, но в самой разнообразии типов и вариаций надежно просвечивает старое балто-славянское наследие (ср. **kram-so-tej*: лит. *kramsóti*, лтш. *kramšāt*, слав. **kromsati* и под.)²⁹.

Если приведенные выше соображения об этимологии др.-инд. *kram-* окажутся верными, оно естественным образом обретет и свое окружение на индоевропейском уровне, причем в этом окружении ближайшее место займут балтославянские данные, хотя и не только они присутствуют в нем³⁰.

Примечания

- ¹ Эта идея целенаправленно-последовательного, шаг за шагом ("прогрессивного") движения отражена в самой сути и в названии особого метода чтения и писания ведийских текстов – *krāna-*, когда чтение (писание) разворачивается от первого члена (будь то буква или слово) к второму, еще раз повторяемому при переходе к третьему и т.д., т.е. по схеме 1 → 2 & 2 → 3 & 3 → 4... Этот способ чтения (писания) в отношении к словам называется *pada-*, букв. – 'шаг' (Taittirīya-Prāiśikhya II, 12).
- ² С идеей последовательности элементов ряда связана и идея п е р е ч и с л е н и я всех элементов этого ряда, их полный учет и исчерпывающее описание их, ср. *anukramaṇa-* 'перечисление' и особый вид текстов, связанных с перечислением ("списком"), *anukramaṇikā* 'оглавление, содержание': *anu-krama-* : *anu-kram-*.
- ³ Не случайно, что имена с основой *vi-kram-* широко распространены в древнеиндийской ономастике, особенно в отношении к царям, их сыновьям ("принцам"), героям, отважным воинам. Особенно отмеченными являются имена царей *Vikrama-* и *Vikramāditya-*. "Первоносителем" этого имени был Вишну – *Vikrama* (так, в частности, он именовался в "Махабхарате"). Эта же основа встречается и в целом ряде топонимов.
- ⁴ То, что Индра иногда сопresentствует Вишну в *kram-* контекстах, а изредка, как в RV 8, 77, 10, выступает и единолично, не меняет сути дела. В данном случае важна сама функция и способ ее осуществления, связанные с *kram-*, и то, что само *kram-* первично и "сильно" соединено с главным деянием Вишну. Поскольку в ряде гимнов Вишну и Индра выступают как пара, совершающая общее деяние, "обобществляется" и глагол *kram-*, а иногда он вторичным образом используется и в отношении к другим субъектам, что, однако, не отменяет "вишнуической" природы (как и происхождение) этого глагола. О соотношении Вишну и Индры и их связи проницательные наблюдения были сделаны Ф.Б.Я. Кейпером: «Согласно прежним взглядам, Вишну был в Ригведе всего лишь помощником великого Индры; его значение постепенно увеличилось, и в конце концов он возвысился до положения спасителя человечества. На наш взгляд, Вишну был чем-то несравненно большим, чем простой помощник: мифологически его следует представлять себе стоящим между двумя партиями в ходе борьбы с Вритрой – точно так же как он пребывал в амбивалентной позиции между богами и асурами при пахтании океана [...] Я позволю себе процитировать здесь несколько слов, написанных много лет назад: "Точно так же, как в эпосе говорится, что та сторона, вместе с которой Кришна, победит (*yataḥ kṛṣṇas tato jayaḥ*. – Mbh. VI, 21, 12), так и мы должны придавать гораздо более фундаментальную значимость той, казалось бы, незначительной роли, которую играет Вишну в поединке Индры с Вритрой [...] двусторонность природы Вишну есть, по-видимому, тот определяющий фактор, который сам по себе мог склонить в любую сторону равновесие в поединке противостоящих половин космоса". Вишну считается победителем, несколько не уступая в этом Индре (RV 6, 69, 8; Jaim.-Br. II, 242 и след.). Однако в отличие от Индры, который пришел "из ниоткуда", он первоначально принадлежал нижнему миру, представляя, впрочем, как Адити и Анумати, его благоприятный аспект, противопоставленный амхасу. В самый момент сотворения дуального мира он поднялся из центра, в силу чего он связан со столбом, который ныне поддерживает Небо. Как этот столб соединяет Небо и Землю, "подобно оси между двумя колесами", так и Вишну является соединительным звеном, принадлежащим обоим мирам» – Kuiper F.B.J. The Three Strides of Viṣṇu // Indological Studies in Honor of W.N. Brown. New Haven, 1962 (русский перевод – Кейпер Ф.Б.Я. Труды по ведийской мифологии. М., 1986, 110).

- ⁵ Ср.: "Вот эту самую его мужскую силу мы и воспеваем, [...] (того), кто широко перешагнул через земные (просторы) всего лишь тремя шагами, чтобы (человечеству) идти далеко, чтобы (ему) жить" (...*yāḥ pāṛthivāni tribhīr id vīgamabhir urū kṛmīṣtorugāyā jīvāse*. 1, 155, 4), ср. сходное в связи с Индрой-Вишну – "О Индра-Вишну, (вот) это удивительно у вас: в опьянении сомой вы (всегда) шагали далеко (вперед) (*urū cakramathe*), вы сделали воздушное пространство шире (*ākṛṇutam antarīkṣam vāriyō*), вы распространили просторы для нашей жизни (*prathatam jīvāse no rājānsi*) (6, 69, 5) и др.
- ⁶ Кроме уже упоминавшейся работы Кёйпера в связи с этими мотивами из обширной литературы можно выделить: *Gonda J. Aspects of Early Vīṣṇuism*, Utrecht, 1954; *Огибенин Б.Л. Структура мифологических текстов "Ригведы" (Ведийская космогония)*. М., 1968, 26–27, 33–37, 60–64; *Ogibenin B.L. Structure d'un mythe védique. Le mythe cosmogonique dans le Ṛgveda. The Hague, – Paris, 1973.*
- ⁷ Не случайно, что глагол *kram-* неоднократно употребляется в связи с сомой, своего рода соком жизни, витальной силы, бессмертия, который при выжимании его с помощью давящих камней поражал ведийских ариев своей необыкновенной энергией движения, силой, с которой он вырывался, и шумом, им производимым. "Мы воспеваем соки сомы, которые в ы р в а л и с ь - в ы с т у п и л и вперед (*prā ... ā k r a m u ḥ*)", как возбужденные, неистовые, неутомимые быки, грома (убивая) черную кожу" (9, 41, 1). – говорится о соме. Или – "Вперед в ы р в а л и с ь - в ы с т у п и л и (*pra ... a k r a m u ḥ*) соки сомы ради богатства, словно г р о - х о ч у щ и е колесницы (*svānāso rāthā*), словно скакуны, ищущие славы" (9, 10, 1), или – "Этот (сома) [...] б р о с и л с я (*abhy ākramīd*) к жертвенным уздам, как Эташа (мифологический конь. – В.Т.) к наградам" (9, 108, 2), или – "Он вырвался (*ny ākramat*), словно конь, запрыженный в колесницу, будучи выжатым в щедилку (чтоб излиться) в два чана [...]" (9, 36, 1), или – "Очищаясь, он в ы р в а л с я - в ы с т у п и л (*akramīd abhi*) против всех противников, очень подвижный (*vīcarṣanīḥ*) (9, 40, 1). Эти сравнения-описания сомы с тем, что наиболее энергично, мощно, шумно, неистово, при том что сома находится в связи с глаголом *kram-*, тем более убедительно, что именно Вишну и Индра причастны к мифологии сомы (= Сомы), ср.: "Воспойте ваш напиток из сока сомы настроенному (на это) великому герою и Вишну [...] Неистово, в самом деле, столкновение у (этих) двоих жестоких, о Индра-Вишну, тот, кто пьет выжатого сому, создает безопасность вам двоим [...]" (1, 155, 1–2, ср. *kram-* 155, 4). Более того, они – "океан, сосуд, заключающий в себе сому" (*samudrā sthāḥ kalāṣaḥ s o m a d h ā n a ḥ*. RV 6, 69, 6); при этом справедливо отмечают, что эти слова должны иметь в виду прежде всего Вишну (как и фраза "В опьянении сомы вы (всегда) шагали далеко (вперед)". 6, 69, 5b, см.: *Kēūnep Ф.Б.Я.* Указ. соч., 110). Брахманические тексты подтверждают, что именно Вишну наиболее органично и глубоко был связан с сомой, который принадлежал Вишну и обозначался как "вишнуческий" (ср. *somo vaiṣṇavō*. ŚBr. XIII. 4. 3. 8); согласно Кёйперу, Вишну выжимает сому для Индры (со ссылкой на RV 1, 22, 1, если только это не ошибка в указании места).
- ⁸ Три шага Вишну образуют последовательное, однонаправленное, поступательное (ср. *kram-* 'шагать, с т у п а т ь') движение. Однако это космическое движение вперед, принадлежащее к типу *pravṛtti-*, букв. – 'раз-вертывание вперед', в эпических текстах дополняется обратным движением – назад, ср. *nivṛtti-*, которое в позднем индуизме характеризует Вишну-Нараяну, "спящего" Вишну, символа жизни, отчужденной от активности и "низ-вертывающейся" в смерть. См. *Held Y.J. The Mahābhārata. An Ethnological Study*. Leiden, 1935, 128, ср. также 145; *Hopkins E.W. Epic Mythology*. Strassburg, 1915, 207; *Kēūnep Ф.Б.Я.* Указ. соч., 110. Вишну как творец условий, необходимых для жизни и пособник ее, так же относится к Вишну в ипостаси божества смерти (*samharṭ-*), как *pravṛtti-* к *nivṛtti-*, во всяком случае в правдоподобной реконструкции. Эти соображения важны в связи с идеей двуприродности Вишну, без которой многое в этом образе остается непонятным, и в связи с его первоначальным "темным" локусом – нижним миром, который позже уравнивается "светлым" локусом – стояние Вишну на горах (RV 1, 154, 2, 3; 155, 1), повелителем которых он является, связь с Небом, Солнцем, космическим столбом и т.п.

- ⁹ Едва ли прав Саяна, относящий этот фрагмент к Сурье. – Идея предела и меры и выхода за их границы постоянно связывается с Вишну, ср. RV 7, 99, 1–2; 1, 155, 4.
- ¹⁰ Следует напомнить, что обе эти особенности имеют свой отдаленный исток (неясный намек на него) в самой узости-тесноте "беспространственного" Хаоса – совокупность-смешение ("пред-синтетический" аспект) и виртуальное присутствие в нем разнотдельного ("пред-аналитический" аспект).
- ¹¹ Парадоксальные отношения первого, второго, третьего шага, соответственно возможностей одноногого, двуногого, трехногого (следует напомнить, что *pad*-обозначает и шаг и ногу; ср. *padā-* 'шаг, след ноги' и под.), отражаются и в ведийских загадках. Ср.: *ék apā d bhūyo dvipádo vi cakrame dvipāt tripādam abhy eti paścāt* (RV 10, 117, 8, с продолжением: *cātuṣpād eti dvipādām abhisvaré*) "Одноногий шагнул дальше, чем двуногий, двуногий настигает сзади трехногого (четыреногогий идет в пределах зова двуногих)" – с отгадкой (последовательно): Солнце (одноногое), человек, старец, опирающийся на палку, собака. А это в свою очередь отсылает к загадке типа эдиповской с прочной индоевропейской генеалогией. См.: *Иванов В.В.* Структура индоевропейских загадок-кеннингов и их роль в мифопоэтической традиции // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Загадка как текст 1. М., 1994, 118–142. Разные отражения схемы исходной загадки этого типа довольно широко представлены в древнеиндийских текстах.
- ¹² "Когда мы двое восходим на высоту [...]" (RV 8, 69, 7), – говорит, видимо, Вишну, имея в виду себя и Индру (*úd...viṣṭāpam*). См.: *Кёйнер Ф.Б.Я.* Указ. соч., 108.
- ¹³ Ср. о мощном стоянии Вишну с Индрой на вершине гор – RV 1, 155, 1 (*sánuni pṛvatānām dābhya mahás tasthātur...*) и др., а также "Ты, о бог Вишну, знаешь высшее (пространство)" (RV 7, 99, 1: *vīṣṇo deva tvám p a r a m á s y a vitse*).
- ¹⁴ См. *Кёйнер Ф.Б.Я.* Указ. соч., 106 и др.
- ¹⁵ См. *Трубачев О.Н.* Славянские этимологии 41–47 // Этимология. 1964. М., 1965, 4–6 (42. Слав. **dvigati*); ЭССЯ 5, 1978, 168–169, 189–190, отчасти – 175.
- ¹⁶ Ср. работу автора этих строк – "Об одном из парадоксов движения". Несколько замечаний о сверх-эмпирическом смысле глагола «стоять», преимущественно в специализированных текстах // Концепт движения в языке и культуре. М., 1996, 13–25.
- ¹⁷ Возможно, что праслав. **d(ṭ)vig-*: **d(ṭ)vigō-* (ср. словин. *dviglo* 'яρμο для двух волов', собств. – двойная упряжка) получит несколько иное объяснение в деталях при более точном определении второго элемента в двучленном слове **d(ṭ)va-* & **jьgo*. Разные варианты теоретически открываются при учете значений, свойственных отражениям и.-е. **jeuz-*: **joug-*: **jug-* в конкретных языках. Так, лат. *jugum* отсылает не только к таким значениям, как 'яρμο, парная упряжь; узы; иго' и т.п., но и к обозначению с у п р у ж е с к о й пары (каковой, в частности, является Небо и Земля в мифопоэтической традиции) или м е р ы площади (ср. *jugerum*), а др.-инд. *yuga-* к обозначению временного отрезка, единицы времени в терминах поколений, воздушного пространства (ср. *yojana-*, мера длины). В этих случаях не исключено, что **jьgo* по своей семантике тоже могло обозначать меру длины или площади (ср. русск. *соха* в этом значении) и в этом отношении быть близким к идее шага как меры длины, укорененной в *krama-*.
- ¹⁸ Речь идет прежде всего об идее агрессивности, наступательности, силы, направленной вовне, которая укоренена в глаголе *kram-*. Ср.: "Ты топтал ногой Арбуду" (1, 51, 6: *arbudām ní k r a m t i ḥ padā*) или "топча недругов ногами" (6, 75, 7: *avakrāmantāḥ pṛāpadair amitṛān...*), также 7, 32, 27; 10, 60, 6; 166, 5 и др. Ср. *монать (kram-): monmānъ (kram-)*.
- ¹⁹ Во всяком случае ни в "Baltisch-slavisches Wörterbuch" Траутмана, ни в этимологических словарях балтийских и славянских языков практически нет никаких намеков на возможность такой реконструкции.
- ²⁰ Ср. лтш. *kaŕcinēt* 'болтать ногами сидя' (*kaŕcināt* 'трясти, судорожно дергать' < **kark-*), где также исходным значением могло быть не дергание, трясение, сгибание и т.п., а последовательные смены разных поз относительно ног, как бы имитация ходьбы сидя, работа ног, напоминающая работу ножниц при резании.
- ²¹ См. (по Покорному) **del-* I и **del-* II (с тем же распределением значений), **derbh-* I и

- **derbh-* II, **plek-* I и **plek-* II, **tekʹs-* I и **tekʹs-* II, **uedh-* I и **uedh-* II, **цi-* I и **цi-* II. См. Трубачев О.Н. Ремесленная терминология. М., 1966, 245–250, где особенно важным является заключение, согласно которому семантика круга II ('вить, крутить, плести') происходит из круга I ('резать, рвать, рубить, ломать').
- ²² О быстром энергичном движении. Уместно напомнить (в частности, в связи с др.-инд. *kram-*), что и продолжения праслав. **kročiti* иногда обозначают отмеченную (в разных положительных смыслах) манеру шагать, ступать. Ср. ст.-польск. *kroczyć* 'ступать медленно, размеренно; следовать по пятам', польск. *kroczyć* 'вышагивать, торжественно ступать, медленно идти', блр. *крóчыць* 'шагать, твердо ступать'.
- ²³ Здесь скорее всего существует тонкое различие между стеной, окружающей град в качестве кромки-границы (внешнее), и окружаемым ею градом (внутреннее).
- ²⁴ Известны традиции, в которых шаг понимается именно как двучленная операция или состоящая из двух половин – "правой" и "левой" (откуда – важность, придаваемая тому, с какой ноги начать движение). Нередко единицей движения и длины выступает д в о й н о й ш а г, ср. лат. *passus* 'пасс' (= 1,48 м.), 'двойной шаг' (: *pando* 'распространять, расширять' и т.п.), но и, конечно, 'шаг, стопа, поступь, след, движение'.
- ²⁵ Ср. также *kraménti* в значении 'надоедать, клянчить, въедаться' и т.п.
- ²⁶ Случаи типа *kramgalvis* 'у кого голова покрыта коростой, паршой и под.' (ср. лтш. *kramgalvis*), кажется, могут объяснить и *krāmē* 'голова змеи, жабы, лягушки и т.п., пасть, глотка; макушка; кран' и др. – К семантике соотношения *krimsti* 'грызть': *krāmti* 'покрывать паршой, струпами и т.п.' (: *kramā*, *krāmas*) обычно указывают на др.-англ. *grindan* 'размалывать': нем. *Grind* 'струп, лишай, короста'. Следует напомнить, что нем. *Grind* (диал. и охотн.) обозначает также голову и округлую вершину небольшой горы.
- ²⁷ Ср. вторичные литовские глаголы с корнем *kram-/krem-* (при первичных *krāmti*, *krimsti*): *kramsóti*, *kramsėti*, *kramsnóti*, *krāmčioti*, *krāmsčioti*, *krāmslėti*, *krāmslėti*, *krāmsterėti*, *kramstyti*, *kramsīnėti*, *kramsėti*, *kramsnóti*, *krāmtauti*, *kramėnti*, *kramtinėti*, *kramtinióti*, *kramtyti*, *kramtulti*, *kramtuóti*, *kramzdėti*, *kramzlióti*, *kramzlióti*; *kramsėti*, *krėmsyti* (ср. *kremšti* / *krimšti*), *kremtenti*, *kremzdėti*, *kremzliėti*, *kremžlinti*, *kremznóti*, *kremžti* (LKŽ VI, 413–417, 524–525).
- ²⁸ Ср. хотя бы русские глаголы типа *кромсать*, *крóмсать*, *кромсáчить*, *крóмсáть*, *крóмишáть*, *кромчáть* (СРНГ 15, 275–277).
- ²⁹ К этимологии балт. *kram-* ср. *Fraenkel* 287–288, 299; *Karulis* 417, 426–427.
- ³⁰ Ср. кимр. *cramen* 'струп', брет. *crammen*, *crenmen*, то же; др.-франк. **scramasaks* 'cultris validis quos vulgo *scramasaxos* vocant' (Григорий Турский), ср. *scramis* (Lex Visigothorum), др.-исл. *skrāma* 'рана, шрам; топор', нем. *Schramme*. См. *Pokorny* I, 945.

Л.А. Сараджева*

К ЭТИМОЛОГИИ АРМ. *ERKIN* 'НЕБО'

Рассматриваемый вопрос весьма сложен, так как затрагивает историю слова *erkin*, принадлежащего к кругу понятий с далеко идущими мифопоэтическими ассоциациями, но остающегося, несмотря на многочисленные попытки и разыскания, совершенно не ясным этимологически. Имеющиеся на этот счет точки зрения сводятся в основном к следующему.

1. Поиски этимологического решения на армянской почве, возник-

* © Л.А. Сараджева